

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Наливайко И. М., канд. филос. наук, доц., г. Минск

«Ты говоришь, что этот нетеоретический человек прав... Так ведь он тоже себе на уме. Взять бы да вывести в теорию, что он себе думает... ужаснулись бы. Гегель и все это в сравнении с ним сладкая водичка...»
(А.Ф. Лосев)

Если позволить себе начать с банальностей, то, прежде всего, следует констатировать, что всякая коммуникация направлена на трансляцию и усвоение информации, в пределе – на понимание. Согласно толковому словарю В. Даля, слово «понимать» является однокоренным со словом «поймать», то есть оно несет в себе некий смысловой оттенок присвоения, усвоения, освоения, признания чего-то своим. Применительно к ситуации коммуникации это означает, что для ее успешного осуществления необходимо определиться как с субъектами коммуникативного процесса, так и с его стратегией.

При всей глобальности и полиморфизме феномена коммуникации в современном мире, существует сфера, которая в какой-то мере «вбирает» в себя все формы коммуникации, не сливаясь ни с одной из них, но внося в них определенные коррективы. Речь идет о сфере повседневности. Поскольку повседневность получила свое название от особого способа переживания времени (время здесь выступает как ускользающий поток, бесконечная череда ничем не выделяющихся мгновений), ее оценка существенно зависит от общекультурной временной парадигмы, от специфики понимания времени как такового. Собственно, основная альтернатива была намечена еще в античности в знаменитом противопоставлении подходов Парменида и Аристотеля. Если принять позицию, трактующую время как вечное «сейчас», т.к. при всей мимолетности и «несхватываемости» текущего момента это есть ближайший и всем живущим присущий способ переживания времени, то повседневность обретает особый онтологический статус. При всем различии современных подходов к феномену повседневности большинство авторов рассматривают ее, прежде всего как *определенную сферу и способ жизни*, т.е. онтологически.

Одной из чаще всего дискутируемых характеристик повседневности является ее *анонимность*, лучше всего передаваемая безличной формой

глагола: не «говорит» (некто определенный), а «говорят» (некая анонимная инстанция). В этой ситуации идентификация субъекта коммуникации вызывает определенные трудности, равно как и определение ее эффективных стратегий. Субъект коммуникации в повседневности помимо сознательно-деятельностных характеристик, лежащих в основе привычных способов идентификации, щедро наделен бессознательными, телесными и пр. моментами, которые необходимо принимать во внимание. А. Шюц, описывая специфику повседневной коммуникации, всячески подчеркивал значимость ситуации «лицом к лицу», дополняющей вербальную коммуникацию выразительностью и уникальностью мимики и жеста. Но и здесь все не так просто, поскольку помимо анонимности слова, в повседневности присутствует специфическая анонимность тела. Это хорошо описывает в одном из своих романов М. Кундера на примере телесного жеста, который будучи по видимости только моим, на самом деле является всеобщим, повторяемым многими и несчетное количество раз. В этой ситуации любые сознательные коммуникативные стратегии обречены на фиаско. И в то же время повседневность – это питательная среда и некое «сгущенное пространство» коммуникации. Можно ли отыскать выход из этой тупиковой ситуации?

Современный французский историк и социолог Мишель де Серто полагает, что в сфере повседневности сознательно выстроенные, четко артикулированные и унифицирующие стратегии должны уступить свое место «множественным тактикам существования». Хорошей иллюстрацией к этому тезису служит пример обживания городского пространства. Классическая культура Запада мыслила и выстраивала свои отношения с пространством в духе «компанеллизма», то есть четкого стратегического планирования, построенного на единственной и внеположенной позиции наблюдателя. Современная культурная ситуация, проводящая своего рода «оправдание повседневности», подчеркивает преимущественность позиции пешехода, который включен в это городское пространство не только и не столько на уровне сознания, сколько на уровне своих телесных кинетических привычек, своеобразной памяти тела, прочерчивающего в городе свои собственные, внешне случайные, но внутренне мотивированные пути.